

Региональная политическая элита и перестройка в СССР — упущенная возможность или переход в новое качество?

© В.Ю. Разумовский

Институт права и экономики, Липецк, 398002, Россия

Рассмотрен генезис региональной политической элиты СССР в 80–90-е гг. XX в. Проанализированы различные подходы к развитию властвующей элиты регионов, ее роль в процессе политического реформирования общества. Раскрыты причины кризиса региональных элит в период перестройки СССР и его последствия, а также их переход в новое состояние.

Ключевые слова: региональная элита, номенклатура, перестройка, гласность, выборы, партия, депутаты

В 2017 г. исполняется 30 лет с начала радикальных политических реформ в СССР, о целях и результатах которых до сих пор не утихают споры. Точкой отсчета этих событий принято считать январский Пленум ЦК КПСС (1987 г.), на котором новый лидер партии М.С. Горбачев изложил свой план преобразований. Наиболее важной считалась реформа политической системы, которая должна была повлечь за собой социально-экономическое обновление общества. С подачи нового Генерального секретаря ЦК КПСС в широкое употребление вошел пропагандистский термин «механизм торможения». Под ним понимался комплекс устаревших методов руководства, а одним из виновников формирования данного механизма в республиках, краях и областях СССР на протяжении довольно длительного периода была объявлена региональная политическая элита.

Как известно, понятие «региональная политическая элита» подразумевает совокупность лиц, занимающих статусные позиции в структурах власти или непосредственно влияющих на эти структуры и процесс принятия политических решений. В узком значении речь идет о лицах, занимающих руководящие должности в органах государственной власти и управления на определенной территории (губернаторы штатов, президенты земель, руководители департаментов). Это по-своему оправданно, так как вышеуказанные должностные лица в мировой практике государственного строительства выступают в качестве политических лидеров на своих территориях, являясь ключевыми фигурами для значительной, если не для основной части региональной политической элиты. В более широком смысле к региональной

властвующей элите принято относить лиц, занимающих различные должности в органах государственной власти и местного самоуправления на конкретной территории и, таким образом, непосредственно влияющих на процесс принятия политических решений (депутаты местных парламентов, заместители главы исполнительной власти региона, руководители расположенных там же различных государственных ведомств и др.).

Главным критерием принадлежности к политической элите региона является доступ к рычагам власти и управления, способность и возможность прямо или косвенно влиять на их содержание, направленность и результат принимаемых решений.

Что же представляла собой региональная элита СССР в середине 80-х гг. XX в. и какой была ее роль в политико-экономическом развитии страны?

Властвующая элита регионов СССР начала складываться еще в 20-е гг. XX в. По мере того как страна переходила от периода революции и Гражданской войны к мирной жизни, возникла необходимость придать новой государственной власти определенные организационно-правовые принципы развития. Осенью 1923 г. появился даже особый термин «номенклатура», который обозначал перечень важнейших руководящих должностей в партийно-государственном аппарате (списки № 1 и 2). В свою очередь, в ЦК КП союзных республик, краевых и областных комитетах ВКП(б) КПСС начали формироваться свои перечни номенклатурных должностей, назначение и смещение на которые производилось по решению партийных органов. Именно они составили новую региональную властвующую элиту, а процесс ее формирования полностью завершился к концу 30-х гг. XX в.

Номенклатурный подход к формированию элиты, в том числе и на региональном уровне, позволил сконцентрировать все властные рычаги в руках проверенных и тщательно отобранных людей. На протяжении более чем полувекового периода развития СССР региональные политические элиты стояли у истоков формирования мощной индустриальной базы страны, консолидации усилий государства и общества для победы в Великой Отечественной войне и ликвидации послевоенной разрухи, внедрения в жизнь мощной программы социальной поддержки и защиты населения.

В то же время эти процессы осуществлялись в основном с помощью насилия и принуждения, а отсутствие в обществе прочных демократических традиций и институтов негативно сказалось на внутренней сущности региональной элиты, принципах ее ротации. Данная элита принимала активное участие в становлении тоталитарного режима, развязывании политических репрессий. И хотя эти репрессии коснулись также самой элиты, она смогла к середине 50-х гг. XX в.

получить весомые политические гарантии личной безопасности, неприкосновенности жилища и др. и тем самым окончательно превратилась в правящую клику, стремящуюся к сохранению безраздельной власти над обществом.

Несмотря на организационную и идеологическую монолитность, в политической элите союзных республик, краев и областей можно выделить несколько групп, которые к середине 1980-х гг. по-разному оценивали принципы руководства социальными процессами, отношения с союзным центром, свое положение в сложившейся властно-распорядительной вертикали и др.

Реальная политическая власть в любом регионе СССР находилась в руках партийной элиты. В середине 60-х гг. XX в. она наконец-то достигла долгожданной стабильности. Отношения партийной элиты с союзным центром можно охарактеризовать как взаимовыгодный консенсус, основанный на невмешательстве центра в деятельность регионов, сохранении и расширении полномочий региональных элит и их лидеров, если те, в свою очередь, демонстрировали ему политическую лояльность.

Гарантией соблюдения полномочий элиты КПСС в регионах стала политика стабилизации кадров. Данное решение санкционировало выдвижение местных работников на руководящие посты в партийных органах, а их пребывание там становилось фактически пожизненным. Например, парторганизацию Оренбургской области в 1966–1980 гг. бессменно возглавлял А.В. Коваленко, ранее занимавший номенклатурные должности в этом же регионе [1]. В период 1962–1984 гг. первым секретарем Липецкого ОК КПСС был Г.П. Павлов [2].

Результатом политики стабилизации кадров стало снижение мобильности региональных элит и, как следствие, распространение среди работников партийного аппарата отношений личной преданности, кумовства и семейственности. Если с данными проявлениями советского феодализма ранее велась неустанная борьба с помощью политических репрессий и административных перестановок, то в 70–80-е гг. XX в. эти процессы фактически сошли на нет. Превалирование в отношениях среди определенной части региональной элиты карьеризма и чиновничества над профессионализмом и компетентностью негативно сказались на моральном облике элиты, принципах руководства социальными процессами.

Не менее важную роль в жизни регионов СССР играла советская элита. К ней можно причислить не только аппарат исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся всех уровней, но и руководство профсоюзов, здравоохранения, образования и культуры. К советской региональной элите относился также высший руководящий состав органов юстиции, прокуратуры, государственной без-

опасности и внутренних дел конкретного региона и др. Они достаточно хорошо разбирались в региональных проблемах, разрабатывали пути их решения и несли, в отличие от элиты партийной, персональную ответственность за их выполнение.

В то же время местные Советы еще с 30-х гг. XX в. играли роль своеобразного придатка партийных комитетов всех уровней, а их полномочия были направлены на решение исключительно хозяйственных задач. Советская властвующая элита регионов была неотделима от элиты партийной и подвержена тем же негативным тенденциям. У рычагов власти в 60–80-е гг. XX в. оказались представители элитных групп регионов, удерживавшие свои позиции при взаимной поддержке, своего рода круговой поруке.

Это хорошо видно при изучении биографий некоторых руководителей регионов в составе РСФСР в 60–80-е гг. XX в. Так, Липецкий облисполком последовательно возглавляли Н.Д. Новиков (1962–1980), В.В. Донских (1980–1989) и В.Ф. Топорков (1989–1991) [2]. Все они длительное время проживали на территории региона, занимали должности в различных партийных и советских органах, хорошо знали друг друга, имели общих друзей и знакомых. Причем на пост председателя областного или краевого исполкома Совета депутатов трудящихся конкретного региона, как правило, избиралось лицо, ранее работавшее его заместителем.

Особое место в этой пирамиде занимала хозяйственная элита регионов. К ней можно отнести директорский корпус расположенных на территории союзных республик, краев и областей промышленных предприятий, руководителей совхозов и колхозов. Многие директора заводов и фабрик, как никто другой, ощущали на себе дефекты планово-распределительной экономики СССР (директивное планирование, ведомственность, несбалансированность и др.). По свидетельству председателя совета министров РСФСР В.И. Воротникова, «централизация и ведомственность все больше давили и сдерживали инициативу на местах» [3]. Для выполнения спущенных сверху производственных показателей необходимо было, зачастую на свой страх и риск, проявлять инициативу и предприимчивость, пренебрегать многочисленными, нередко противоречащими друг другу предписаниями и инструкциями.

Однако отсутствие в экономике СССР рыночных отношений порождало зависимость промышленных предприятий от государства, способствовало сращиванию местной хозяйственной элиты с элитой партийно-советской. Об этом свидетельствуют биографии многих представителей директорского корпуса того времени. Так, видный хозяйственник Липецкой области, директор НЛМК И.В. Франценюк на протяжении 1978–1991 гг. являлся членом бюро Липецкого ОК КПСС [2].

Таким образом, к середине 80-х гг. XX в. политические элиты союзных республик, краев и областей представляли собой, по сути дела, мощные кланы партийных, советских и хозяйственных руководителей, обладавших фактически неограниченной властью. (В союзных республиках они имели к тому же ярко выраженный национальный характер.) Сконцентрированные вокруг личности первого секретаря ЦК КП союзной республики, краевого или областного комитета КПСС, основанные на круговой поруке и лишённые какого-либо социального контроля, эти сообщества с фактически узаконенной психологией местничества сформировали механизм торможения многих объективных социально-экономических процессов, так как представляли собой весьма влиятельную политическую силу, объективно не заинтересованную в каких-либо серьёзных переменах.

Однако системный кризис, в котором оказалось советское общество на рубеже 70–80-х гг. XX в., требовал поиска новых, во многом нетрадиционных решений острых социальных проблем. Начиная широкомасштабные преобразования, новое политическое руководство страны во главе с М.С. Горбачевым было осведомлено о состоянии региональных элит, результатах их деятельности, в том числе и о злоупотреблениях служебным положением некоторых ее представителей. В то же время руководство было вынуждено выстраивать отношения именно с региональной элитой как с единственной реальной политической силой (иной в СССР просто не существовало).

Следует отметить, что среди региональных элит тоже постепенно зрело понимание необходимости перемен. Сама властвующая элита союзных республик, краев и областей (во всяком случае, наиболее здравомыслящая ее часть) была недовольна результатами тех политико-экономических процессов, к которым она была причастна. Оппозиционные настроения на рубеже 70–80-х гг. XX в. проникли в региональные партийно-советские органы. Новый курс порождал определенную надежду на изменение этой ситуации, укрепление ее позиций в результате ротации, а также способствовал пересмотру сложившейся практики административно-политического руководства, отказу от его некоторых явно устаревших методов и принципов.

В 1985 г. перед СССР стоял выбор между двумя моделями перемен: авторитарной, близкой к образцу реформ в Китае, и либерально-демократической, положенной в основу преобразований Восточной Европы. Каждая из этих моделей предполагала различную степень участия в процессах перемен политической элиты, определенные подходы к координации социальных процессов.

Из опыта реформ Китая СССР мог бы извлечь много полезного, так как в стране была длительная экономическая и культурная изоляция от внешнего мира, отсутствовали прочные демократические традиции и

институты, психология общества была патерналистской. Причем ключевая роль в процессах обновления отводилась именно политической элите, которая, обладая всей полнотой властно-распорядительного механизма государства, выступала в качестве вдохновляющей и координирующей силы. Именно правящая элита определяла вектор развития и одновременно препятствовала появлению всевозможных социальных движений радикального, экстремистского и популистского толка.

Характерные для региональных элит многих стран мира черты, такие как взвешенность и осторожность в принятии решений, последовательность и основательность их реализации, здоровый консерватизм, являются залогом для довольно продолжительной работы по воплощению в жизнь последовательных, поэтапных преобразований.

Этот процесс вовсе не означает, что изменения претерпевает сама элита. В ней также начинают происходить обновления, которые носят локальный характер и, как правило, ограничены рамками элитных групп. Цель процесса обновлений состоит в медленном, плавном изменении качественного состава властвующей элиты, отдельных принципов и приоритетов в ее деятельности. Постепенно между элитой и обществом начинает выстраиваться диалог, формируется процесс сопричастности граждан к политической жизни, приверженности праву и др.

Данные принципы определяли роль правящих элит в Японии, Южной Корее, Гонконге, Чили, Бразилии, Испании и некоторых других странах. Опыт Китая показал, что часть его политической элиты и ее лидер Дэн Сяопин преодолели негативные последствия диктатуры маоизма и, используя тандем государства и политической основы — Коммунистической партии Китая, — смогли начать реформы (строительство социализма с китайской спецификой). В относительно небольшой срок был решен комплекс острых социальных проблем, а Китай смог получить репутацию страны с самой быстрорастущей экономикой в мире.

Именно по этому пути могли пойти политические преобразования в СССР. Однако реализация в советской стране китайской модели вызвала у ряда ученых скептические оценки. Опыт предыдущих политических преобразований демонстрировал, что многие рациональные идеи искажались и блокировались правящей элитой, в том числе и на региональном уровне. По мнению В.М. Мау, «советское руководство уже имело перед глазами... опыт трансформации Китая. Он воспринимался критически и не мог рассматриваться в качестве возможной модели... в силу косности руководства КПСС» [4].

С данной позицией нельзя согласиться безоговорочно. Действительно, партийно-государственная номенклатура СССР относилась к политической элите самого жесткого типа, но не была полностью

лишена внутренней эволюции. Перемены в советском обществе 50–60-х гг. XX в. во многом изменили психологию элиты, и 30 лет спустя ключевые посты в политическом руководстве страны занимали в основном представители послевоенных поколений. Их никак нельзя было упрекнуть в политическом и идеологическом догматизме.

Доставшаяся в наследство командно-административная система, благодаря своей сравнительно ограниченной целевой направленности и жесткой дисциплине, могла бы быстро мобилизовать большие материальные и людские ресурсы на выполнение конкретных задач. По свидетельству М.С. Горбачева, «партия — это сила, которая способна объединить общество, поднять его на огромные перемены, которые ему просто необходимы» [5]. Именно модель поэтапных, постепенных реформ позволила бы СССР относительно безболезненно решить целый комплекс острых социальных проблем. Можно согласиться с точкой зрения Е.К. Лигачева о том, что «перестройка в СССР была неизбежна и возможна, а... реформирование на основе модели, близкой к “китайской”, позволила бы относительно быстро удовлетворить материальные и духовные потребности людей» [6].

Однако этого сделано не было. Начиная преобразования, генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев неверно оценил роль в этом процессе различных элитных групп, не смог достичь между ними консенсуса. Горбачев допустил ряд крупных стратегических ошибок, итогом которых стали конфронтация политических элит и, как следствие, распад СССР.

Во-первых, программа широкомасштабных реформ в социально-экономических отношениях оставляла за рамками политическую систему СССР и в частности ее основу — КПСС. Как показывал предшествующий опыт, любые серьезные перемены в советском обществе объективно затрагивали интересы политических и хозяйственных элит регионов страны. И эта сила, глубоко консервативная по своей сути, обладала огромным влиянием. Заслуживает внимания точка зрения В.И. Долгих: «Партия... замкнулась в себе, не выходила на диалог с населением. Много людей вступило в партию из карьеристских соображений. Она нуждалась в серьезной чистке, а кадры — в обновлении» [7].

Такой процесс мог быть инициирован лидером КПСС и его сторонниками. Причем подобные прецеденты уже имели место и в партийном строительстве СССР, и в компартиях других стран. Еще в 20-е гг. XX в. в рядах РКП(б) — ВКП(б) существовало определенное свободомыслие, а некоторые должности в партийных ячейках замещались посредством альтернативных выборов. Именно такие выборы следовало бы провести в 1986–1989 гг. (разумеется, с внесением соответствующих изменений в партийный устав и другие документы) во всех партийных организациях страны — от сельского райкома до ЦК КПСС.

Этот вопрос новый лидер партии М.С. Горбачев мог бы поставить при подготовке XXVII съезда КПСС и, используя трибуну высшего партийного форума, приступить к формированию своей политической опоры — рядовых коммунистов. Очевидно, XIX партконференция должна была состояться еще на рубеже 1986–1987 гг., а часть ее резолюций — «О гласности», «О борьбе с бюрократизмом», «О правовой реформе» — наверняка получили бы поддержку большинства членов и кандидатов в члены партии.

В результате этих мер в 1986–1989 гг. демократическим путем произошло бы очищение КПСС от политических и идеологических ортодоксов, карьеристов, коррупционеров. Ключевые посты в партийном и отчасти советском аппарате регионов страны заняли бы честные коммунисты, пользующиеся доверием и поддержкой партийных масс. Одновременно следовало бы снять ограничения на прием в КПСС наиболее достойных граждан, ликвидировать все имеющиеся процентные разнарядки в отношении различных групп населения. В результате у инициатора перестройки появилась бы прочная политическая опора.

Во-вторых, новому генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву было необходимо немедленно приступить к решению национального вопроса. В Советском Союзе, как в любом многонациональном государстве, не могли не существовать национальные противоречия. Данные противоречия, как известно, наиболее ярко проявляются в условиях экономических и политических кризисов, радикальных перемен. Уже первые два года реализации нового политического курса обнажили многие национальные проблемы, активизировали массовые общественные движения, идейной основой которых стал национализм.

Новое политическое руководство СССР не могло не знать о серьезных национальных проблемах, доставшихся ему в наследство. Одним из первых симптомов начала широкомасштабных конфликтов на националистической почве стали массовые беспорядки в октябре 1986 г. в Алма-Ате. Поэтому было необходимо как можно скорее начать диалог с элитами союзных республик, а ситуацию мог бы разрешить новый Союзный договор.

Его подготовку представлялось целесообразным начать уже в 1987 г., а не три года спустя. Очевидно, следовало бы установить переходный период (например, на 10 лет), в ходе которого республикам были бы переданы значительные полномочия в сфере государственного строительства, культурной автономии, экономического развития и др. Если бы это произошло, то наверняка были бы сохранены единое геополитическое пространство в границах СССР, сложившиеся хозяйственные связи, социальные и культурные общности. Удалось бы избежать также вооруженных конфликтов и человече-

ских жертв, массовой миграции населения и связанных с ней многочисленных проблем.

В-третьих, гораздо больший эффект от экономической политики по аналогии с Китаем дало бы поэтапное формирование элементов рыночных отношений в сельском хозяйстве, легкой и пищевой промышленности, торговле и сфере услуг. Поэтому важные для развития новых экономических отношений законы СССР «О кооперации», «Об общих началах предпринимательства», «Об аренде и арендных отношениях» следовало бы принимать в 1985–1986 гг., а не 3–4 года спустя. По свидетельству Г.Х. Попова, это «дало бы быструю и наглядную отдачу, укрепило бы социальную базу перестройки» [8]. Можно предположить, что своевременно принятый комплекс мер при участии региональных элит дал бы положительный эффект уже к 1990 г., а спустя десятилетие насущные потребности граждан СССР были бы в целом решены.

Если бы эти шаги были реализованы, то страна получила бы принципиально иную элиту. Ее отличительными чертами могли стать политический авторитет и доверие общества, жесткая исполнительская дисциплина и неукоснительное следование закону, способность к критике и самокритике, восприимчивость к социал-демократическим и даже либеральным ценностям и идеалам. (Данные ценности и принципы последовательно и осторожно внедрялись бы в общественные отношения.)

Можно предположить, что по мере экономических успехов и роста уровня жизни населения примерно к 2000 г. в СССР началась бы демократизация политических отношений. Именно тогда мог быть поставлен вопрос о принятии новой конституции и законодательного закрепления переходного периода, в ходе которого должна была сформироваться полноценная политическая система, основанная на демократических принципах.

Однако за основу политических преобразований в СССР была взята иная модель — либерально-демократическая. Данная модель социальных преобразований предполагает реальную конкуренцию среди правящей элиты, наличие политической оппозиции. Это обстоятельство позволяло посредством свободных выборов качественно изменять состав политической элиты, а институты гражданского общества обеспечивали постоянную связь власти и общества. Благодаря наличию развитой системы артикуляции и агрегирования интересов общество имеет возможность оказывать влияние на власть, вносить коррективы в проводимый ей политический курс, и его результат предсказуем. Несмотря на многочисленные издержки, эта модель перемен способствовала относительно быстрому переходу общества в качественно иное состояние.

Именно такой путь избрали для себя страны Восточной Европы — Польша, ГДР, Чехия, Словакия, Венгрия. Благодаря серии бархатных

революций политическая власть посредством свободных выборов перешла в руки демократических сил.

В СССР не было необходимых предпосылок для либерально-демократической модели преобразований. Однако усиленно поощряемые государством процессы гласности и демократизации сыграли двойственную роль в генезисе политической элиты, ее отношениях с обществом.

С одной стороны, гласность стала тем политическим и идеологическим инструментом, который позволил добиться обновления властвующей элиты, включая и элиты региональные. В 1985–1988 гг. были не только отправлены в отставку видные представители прежней партийно-советской элиты (В.В. Кузнецов, Н.А. Тихонов, В.В. Гришин, В.И. Долгих, Г.В. Романов, А.А. Громыко и др.), но и значительно обновлен корпус первых секретарей ЦК союзных республик, краевых и областных комитетов КПСС. Гласность стала своеобразным ледяным душем, благодаря которому региональные элиты смогли критически посмотреть на свою деятельность в прошлом и настоящем. Так, по свидетельству первого секретаря Липецкого ОК КПСС Ю.А. Манаевова, «приходится сталкиваться с фактами мимикрии партийных органов и их руководителей, приспособления к новым лозунгам» [9].

С другой стороны, гласность позволила выйти на поверхность мнениям и оценкам, идущим в разрез с официальной позицией партии и государства. По мнению А.Н. Яковлева, «гласность быстро политизировала общество» [10]. Ее результатом стал подспудный, а затем усиливающийся раскол между элитой и массами в понимании целей и задач проводимых политико-экономических преобразований.

Этот процесс предопределил кризис региональных политических элит. Его первый этап (1987–1988 гг.) обусловлен расколом внутри самой элиты, несоответствием между декларируемыми целями реформ и стилем политического руководства, его внутренней готовностью к переменам. В конфликте между первым секретарем МГК КПСС Б.Н. Ельциным, имя которого ассоциировалось у населения страны с надеждой на реальные перемены, и секретарем ЦК КПСС Е.К. Лигачевым, вставшим на ортодоксально-коммунистические позиции, региональные элиты приняли сторону последнего. Неслучайно опубликованная в газете «Советская Россия» статья «Не могу поступиться принципами» преподавателя одного из ленинградских вузов Н. Андреевой, содержащая немало критических отзывов о перестройке и гласности, была помещена на первых полосах всех печатных изданий, являвшихся официальным рупором ЦК КП союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС.

Особенностью данного кризиса было то, что властвующая элита регионов продолжала формально сохранять свои полномочия. Ее

влияние даже росло — в той мере, в какой слабела центральная власть. Но доверие к местным элитам со стороны населения в связи с экономическим кризисом и, как следствие, пустеющими полками магазинов, явным провалом антиалкогольной кампании и противодействия спекуляции, двойственным отношением официальных властей к нарождающемуся предпринимательству продолжало падать.

Второй этап (1989–1990 гг.) характеризуется поражением региональных элит в ходе первых в СССР свободных выборов. По мере их приближения на рубеже 1988–1989 гг. в разных городах страны начали возникать политические клубы, которые быстро превратились в мощное демократическое движение, оппозиционное к партийно-государственной бюрократии.

Из его среды начала формироваться новая политическая элита, основанная на демократических принципах. Именно она стояла у истоков программы решительного демонтажа существующей партийно-советской системы и формирования новой государственной конструкции — президентской республики. Радикальные политические установки дополнялись экономическими, в основе которых лежала концепция совершенно свободных от государственного контроля рыночных отношений.

Конечно, многим идеям демократов была присуща изрядная доля популизма. Но именно обещание быстрого социального переустройства на основе политической демократии и рыночных отношений явилось краеугольным камнем в борьбе с тоталитарной диктатурой. С помощью этих идей многие представители новой демократической элиты, включая и первого всенародно избранного Президента России Б.Н. Ельцина, получили поддержку миллионов россиян в ходе избирательных кампаний.

Данные процессы сильно напугали региональную политическую элиту. Она оказалась не в состоянии выдвинуть новую, более привлекательную концепцию социального развития. А попытки противодействия независимым кандидатам в союзный и республиканский парламенты имели прямо противоположный результат: чем больше препятствий создавалось на их пути, тем сильнее и тверже становилась решимость избирателей вручить именно им депутатский мандат.

И хотя в Верховном Совете СССР представители региональной властвующей элиты получили большинство мест, ей был нанесен чувствительный удар: многие партийно-государственные функционеры, включая и первых лиц в местной должностной иерархии, выборы проиграли.

Например, из шести регионов Западной Сибири в составе РСФСР в парламент не были избраны руководители партийных организаций

Тюменской, Томской и Кемеровской областей — Г.П. Богомяков, В.И. Зоркальцев и А.Г. Мельников [11].

В 1990 г. эпицентр политической жизни страны начал смещаться в регионы. И здесь позиции региональной партийно-советской элиты были значительно потеснены. Во-первых, опоздание с заключением нового Союзного договора и, как следствие, отсутствие консенсуса с национальными элитами (отставка в 1986–1989 гг. ряда авторитетных руководителей союзных республик — Г.А. Алиева, Д.А. Кунаева, В.В. Щербицкого) обернулись так называемым парадом суверенитетов. Получившие власть в ходе выборов новые элиты союзных республик взяли за основу националистическую идеологию, стали готовиться к объявлению своей политической независимости.

Во-вторых, позиции властвующей элиты краев и областей в составе РСФСР также ослабли. Избирательная кампания здесь строилась в основном на противостоянии структур официальной власти и независимых кандидатов в административных центрах этих регионов. Практически все независимые кандидаты были лишены доступа к региональным СМИ и поэтому обращались к самиздату. Наконец, в их избирательных штабах был предпринят ряд нестандартных приемов агитации — проведение предвыборных митингов с использованием так называемых свободных микрофонов, встреч с избирателями на предприятиях, во дворах домов. Все это оказало серьезное психологическое давление на противников.

Данные выборы отразили негативное отношение населения к региональной властвующей элите в целом. Так, в Тамбове избиратели предпочли вручить депутатский мандат главному врачу областной больницы В.Д. Бабенко (56,5 % голосов), а не второму секретарю ОК КПСС Ю.Н. Блохину (29,2 % голосов) [12]. Многие граждане голосовали исключительно по принципу «нет партийным и хозяйственным бонзам», связывая с их деятельностью свои личные проблемы.

Третий этап (1990–1991 гг.) ознаменовался еще более неприятными для региональной политической элиты событиями — образованием оппозиционных центров государственной власти (функционирование нового Верховного Совета РСФСР, выборы Президента РСФСР), а также войной законов, указов и постановлений. Политическая оппозиция в лице независимых депутатских групп возникла практически во всех регионах РСФСР.

Властвующая элита стремительно теряла поддержку почти всех слоев и групп населения своих регионов, и ярким примером тому стал массовый выход из КПСС. Но партийно-государственная номенклатура сохраняла надежду восстановить свою власть и влияние с помощью введения в стране чрезвычайного положения.

Именно эту цель преследовал созданный накануне подписания нового союзного договора Государственный комитет по чрезвычай-

ному положению (ГКЧП) СССР. Хотя введение в стране чрезвычайного положения объективно отвечало интересам региональных элит, они в основном заняли выжидательную позицию и тем самым смогли удержать страну от хаоса и гражданской войны. Победа демократических сил над политической диктатурой в августе 1991 г. подвела черту под деятельностью региональной партийно-советской элиты. Указом Президента РСФСР была запрещена деятельность Коммунистической партии на всей территории России, национализировано все ее имущество. Главы партийных комитетов всех уровней были лишены своих постов, а сами комитеты распущены.

С тех пор прошло более четверти века. За этот период в современном российском обществе произошли кардинальные изменения, и вместе с ними изменилась региональная властвующая элита. События августа 1991 г. и дальнейшее развитие российской государственности фактически способствовали ее переходу в качественно иное состояние. Отличительной чертой современной политической элиты регионов является ее неразрывная связь с новой российской государственностью. В деятельность элиты прочно вошли принципы разделения властей, выборности и сменяемости, политической легитимности, которые юридически закреплены в Конституции РФ, федеральных законах и других правовых актах.

Региональные элиты приняли участие в экономическом развитии своих территорий. В настоящее время они достаточно интенсивно отстаивают свои интересы на региональном и общероссийском уровнях с помощью новообразованных политических партий и движений.

Однако современная региональная элита, к сожалению, унаследовала немало черт от своей предшественницы. Политические процессы 80–90-х гг. XX в. в регионах не смогли выдвинуть новые кадры госслужащих. В короткий срок произошло вытеснение лидеров демократической волны представителями прежней партийно-советской номенклатуры. Не без их участия политическая элита регионов РФ во многом сохранила прежнюю закрытость, келейность принятия важных решений; бюрократизм, волокита, коррупция и иные ее негативные свойства оказались воспроизведенными в новых условиях. Региональные элиты в 90-е гг. XX в. не смогли в полной мере провести эффективную ротацию и рекрутировать в свои ряды новых членов, наладить диалог с населением своих территорий, решить комплекс острых социально-экономических проблем.

С 2000 г. сложившаяся в России ситуация начала постепенно меняться. Региональная политическая элита оказалась прочно встроенной в обновленный каркас российской государственности, а регламентирующая ее деятельность правовая база подверглась серьезной ревизии. Усилен спрос с региональных элит и их лидеров за испол-

нение закона, результаты экономического развития своих территорий, социальной защиты населения и др.

В то же время процесс обновления региональной элиты, выстраивание диалога с обществом и повышение его уровня жизни, выполнение взятых государством обязательств, противодействие коррупции еще предстоит совершенствовать, поэтому переход региональной политической элиты в качественно иное состояние будет продолжен.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Медведев Р.А. *Личность и эпоха. Кн. I.* Москва, Новости, 1991, 336 с.
- [2] *Липецкая область. Золотой юбилей. 1954–2004.* Липецк, ЛГПУ, 2005, 443 с.
- [3] Воротников В.И. *А было это так...* Москва, СИ-МАР, 1995, 473 с.
- [4] Мау В.М. *Экономика и политика: эпизоды борьбы.* Москва, Мысль, 1994, 133 с.
- [5] Горбачев М.С. *Жизнь и реформы. Кн. I.* Москва, Новости, 1995, 440 с.
- [6] Лигачев Е.К. *Кто предал СССР?* Москва, Алгоритм-Эксмо, 2009, 288 с.
- [7] Нуждин Л.Г. *Долгих Владимир Иванович. Человек-легенда.* Москва, ИКАР, 2012, 284 с.
- [8] Попов Г.Х. *Перестройка Михаила Горбачева.* Москва, Изд-во Международного университета, 2011, 434 с.
- [9] Манаенков Ю.А. *Партийная работа — дело творческое.* Москва, Огонек, 1988, 170 с.
- [10] Яковлев А.Н. *Предисловие. Обвал. Послесловие.* Москва, Новости, 1992, 388 с.
- [11] Котляров М.В. Идеино-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.). *Сибирская заимка.* URL: <http://zaimka.ru/kotlyarov-kpss/> (дата обращения 24.01.2017)
- [12] Двужинова И.В. *История тамбовского края. XX век.* Тамбов, Изд-во ТГУ им. Державина, 2011, 355 с.

Статья поступила в редакцию 15.03.2017

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Разумовский В.Ю. Региональная политическая элита и перестройка в СССР — упущенная возможность или переход в новое качество? *Гуманитарный вестник*, 2017, вып. 6. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2017-6-444>

Разумовский Владимир Юрьевич окончил Липецкий государственный педагогический институт и Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Канд. полит. наук, Институт права и экономики. Автор монографии «Коррупция в системе образования и науки России — истоки, пресечение, профилактика», 12 учебных пособий и 15 статей в научных журналах и вузовских сборниках. Сфера научных интересов — государственные институты, социальные процессы в правоохранительной деятельности. e-mail: vrazumovsky@yandex.ru

Regional political elite and perestroika in the USSR: a missed opportunity or a transformation into something new?

© V.Yu. Razumovskiy

Institute of Law and Economics, Lipetsk, 398002, Russia

The article deals with the origins of the regional political elite of the USSR in the 1980s and 1990s. We analyse various approaches to the evolution of the ruling regional elite and the role it played in political reforms of the society. We reveal the reasons for the crisis the regional elites underwent during the perestroika times in the USSR and its consequences, along with their transition to a new state.

Keywords: regional elite, nomenklatura (Soviet ruling class), perestroika, glasnost (increased government transparency), elections, party, members of parliament

REFERENCES

- [1] Medvedev R.A. *Lichnost i epokha* [Personality and period]. Book 1. Moscow, Novosti Publ., 1991, 336 p.
- [2] *Lipetskaya oblast. Zolotoy yubiley. 1954–2004* [Lipetsk Region. Golden anniversary. 1954–2004]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2005, 443 p.
- [3] Vorotnikov V.I. *A bylo eto tak* [That is how it went]. Moscow, SI-MAR Publ., 1995, 473 p.
- [4] Mau V.M. *Ekonomika i politika: epizody borby* [Economics and politics: episodes of struggle]. Moscow, Mysl Publ., 1994, 133 p.
- [5] Gorbachev M.S. *Zhizn i reformy* [Life and reforms]. Book 1. Moscow, Novosti Publ., 1995, 440 p.
- [6] Ligachev E.K. *Kto predal SSSR?* [Who betrayed the USSR?]. Moscow, Algoritm-Eksmo Publ., 2009, 288 p.
- [7] Nuzhdin L.G. *Dolgikh Vladimir Ivanovich. Chelovek-legenda* [Dolgikh Vladimir Ivanovich. Man of legend]. Moscow, IKAR Publ., 2012, 284 p.
- [8] Popov G.Kh. *Perestroyka Mikhaila Gorbacheva* [Mikhail Gorbachev's perestroika]. Moscow, International University in Moscow Publ., 2011, 434 p.
- [9] Manaenkov Yu.A. *Partynaya rabota — delo tvorcheskoe* [Party work is a creative endeavour]. Moscow, Ogonek Publ., 1988, 170 p.
- [10] Yakovlev A.N. *Predislovie. Obval. Posleslovie* [Foreword. Landslide. Epilogue]. Moscow, Novosti Publ., 1992, 388 p.
- [11] Kotlyarov M.V. *Ideyno-politicheskie protsessy v organizatsiyakh KPSS Zapadnoy Sibiri v period perestroyki (1985–1991 gg.)* [Ideological and political processes in CPSU organisations of Western Siberia during perestroika times (1985–1991)]. *Sibirskaya zaimka* [Siberian settlement]. Available at: <http://zaimka.ru/kotlyarov-kpss/> (accessed January 24, 2017).
- [12] Dvuzhinova I.V. *Istoriya tambovskogo kraya. XX vek* [History of Tambov country. The 20th century]. Tambov, Tambov State University Publ., 2011, 355 p.

Razumovskiy V.Yu. graduated from Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University and Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Cand. Sc. (Polit.), Institute of Law and Economics. Author of the monograph titled “Corruption in the education and science system of Russia: origins, suppression, prevention”, 12 teaching aids and 15 articles in scientific journals and university proceedings. Specialises in state institutions, social processes in law enforcement. e-mail: vrazumovsky@yandex.ru